

порожнечю. А перебування у такій ситуації неймовірно нудьги–самоти, чимось дуже схоже на перебування в буцегарні в одиночній камері, що у свою чергу, не може не відбиватися на контекстах і сенсах творчості молодих письменників. Такий стан не просто не дає цікавих образів, а усе глибше і глибше занурює у самокартання і самопокарання. Свідомість персонажів такої творчості пірнає усередину самого себе, сподіваючись на те, що там, на самому дні, можна буде відшукати таку жадану радість, а головне – спокій.

Список використаних джерел

1. Адамович Г. Литературные впечатления / Георгий Адамович // Современные записки. – Париж, 1936. – №61. – С.205–212.
2. Балабан А. И. Образ эмигранта в творчестве Ирэн Немировски и проблема национальной самоидентификации // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т.16. – №2 (4). – С.913–916.
3. Варшавский В. С. О «герое» эмигрантской молодой литературы / Владимир Варшавский // Числа. – 1932. – №6. – С.164–172.
4. Варшавский В. С. О прозе «младших» эмигрантских писателей / Владимир Варшавский // Современные записки. – Париж, 1936. – №61. – С.409–414.
5. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе / Гайто Газданов // Современные записки. – Париж, 1936. – №60. – С.404–408.
6. Ермишин О. Т. О философии русской эмиграции (проблемы, методы, перспективы изучения) // Вестник РХГА. – 2008. – Т.2 (9). – С.153–164.
7. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940 / Алексей Зверев. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 384 с.
8. Зеньковский В. В. Философские мотивы русской поэзии / Василий Зеньковский // Вестник РХСД. – 1959. – №52. – С.24–31.
9. Свендсен Л. Фр. Г. Філософія самотності / Ларс Свендсен. – Львів: Видавництво Аннети Антоненко; К.: Ніка–Центр, 2017. – 208 с.
10. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство: в 2–х кн. / Григорий Чхартишвили. – М.: «Захаров», 2011. – Кн.1. – 464 с.

References

1. Adamovich G. Literaturnye vpechatlenija / Georgij Adamovich // Sovremennye zapiski. – Parizh, 1936. – №61. – S.205–212.
2. Balaban A. I. Obraz jemigranta v tvorcestve Irjen Nemirovski i problema nacional'noj samoidentifikacii // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. – 2014. – T.16. – №2 (4). – S.913–916.
3. Varshavskij V. S. O «geroe» jemigrantskoj molodoj literatury / Vladimir Varshavskij // Chisla. – 1932. – №6. – S.164–172.
4. Varshavskij V. S. O proze «mładshih» jemigrantskih pisatelej / Vladimir Varshavskij // Sovremennye zapiski. – Parizh, 1936. – №61. – S.409–414.
5. Gazdanov G. O molodoj jemigrantskoj literature / Gajto Gazdanov // Sovremennye zapiski. – Parizh, 1936. – №60. – S.404–408.
6. Ermishin O. T. O filosofii russkoj jemigracii (problemy, metody, perspektivy izuchenija) // Vestnik RHGA. – 2008. – T.2 (9). – S.153–164.
7. Zverev A. M. Povsednevnaia zhizn' russkogo literaturnogo Parizha. 1920–1940 / Aleksej Zverev. – M.: Molodaja gvardija, 2011. – 384 s.
8. Zen'kovskij V. V. Filosofskie motivy russkoj poezii / Vasilij Zen'kovskij // Vestnik RHSD. – 1959. – №52. – S.24–31.
9. Svendsen L. Fr. G. Filosofija samotnosti / Lars Svendsen. – L'viv: Vydavnyctvo Annety Antonenko; K.: Nika–Centr, 2017. – 208 s.
10. Chhartishvili G. Pisatel' i samoubijstvo: v 2–h kn. / Grigorij Chhartishvili. – M.: «Zaharov», 2011. – Kn.1. – 464 s.

Salij A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Higher State Educational Establishment of Ukraine «Ukrainian Medical Stomatological Academy» (Ukraine, Poltava), anatoli.salij@gmail.com

Loneliness and emigration: on re–considering the phenomena as exemplified by the creative works of the «first wave» emigration thinkers (1920s – 1940s)

The problem of emigration never lost its relevance, and under conditions of modern Ukrainian society, it turned into the issue of primary importance. The

author aimed to determine the place and role of the existential of solitude in the context of the creativity of its iconic thinkers, as exemplified by the phenomenon of Russian «first wave» emigration, which chronologically marks the period from the 1920s to the end of the 1940s. Particular emphasis is placed on the problem of the world–view split in the representatives of the intellectual environment of Russian emigration into the so–called «older» and «younger» generations. The analysis of the creative heritage of M. Berdyaev, L. Shestov, V. Varshavsky, G. Gazdanov, G. Adamovych, D. Merezhkovsky and others has been carried out. It has been noted that the phenomenon of loneliness in the works of thinkers of this period plays one of the key roles, on the one hand, as an impetus for self–knowledge, and on the other – as a way of self–preservation in a strange socio–cultural environment.

Keywords: emigration, loneliness, alienation, desolation, cultural isolation.

* * *

УДК 261.7

Филоненко А. С.,

кандидат философских наук, доцент
кафедры теории культуры и философии науки
философского факультета, Харьковский
национальный университет им. В. Н. Каразина
(Украина, Харьков), afilonenko1968@gmail.com

ТЕОЛОГИЯ ЛУИДЖИ ДЖУССАНИ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Доказывается, что все центральные темы богословия Джуссани близки как православному традициям древней неразделенной церкви, так и современному православному богословию. Его важнейшей методологической предпосылкой был так называемый «православно–католический взгляд», или одна из трех «культурных позиций» для рассмотрения решающего вопроса о методе христианской проповеди. Демонстрируя ограниченность двух других культурных позиций, «рационалистической» и «протестантской», делающих Христа или событием прошлого, или содержанием лишь внутреннего, субъективного опыта, Джуссани, полагаясь на разум, предлагает взгляд, который находит выражение в христианской традиции как таковой. Встреча как форма присутствия Другого представляет собой и центральный принцип богословия Джуссани, и выделяемого им «православно–католического взгляда», пронизывающего все христианское мышление и являющегося предпосылкой богословия общения.

Ключевые слова: католицизм, православие, современное богословие, антропология, экуменизм.

(статья друкється мовою оригіналу)

Актуальность исследования и состояние изучения проблематики. Тема отношения с Православием занимает среди многообразных интуиций монсеньора Луиджи Джуссани, основателя католического движения «Общение и освобождение» (1922–2005), крайне парадоксальное положение. С одной стороны, она безусловно периферийна: ей не посвящены книги или большие встречи, все развернутые суждения об этом опыте могут быть представлены даже в скромной статье, но с другой стороны, эта не бросающаяся в глаза тема является красной нитью, пронизывающей всю его жизнь и служение. Свидетельства знакомства отца Джуссани с православной мыслью мы находим уже в его семинарском круге чтения в Венегоно в начале сороковых годов, когда на занятиях с Энрико Гальбиати он не только изучает русский язык, но и делает первые шаги в православном богословии: славянофилы, особенно Хомяков, Соловьев, «немного Шестова и Бердяева» прочитаны вместе с десятками протестантских и современных богословов в поисках Христа как центра всего [4, р. 77]. Его первая, опубликованная в 1951 году, статья называется «Atteggiamenti protestanti e ortodossi davanti al dogma dell Assunta» («Отношение протестантов и православных к догме Успения») [2]. В 1988 году, когда в Советском

Союзе заканчивается эпоха атеистических гонений на Церковь в связи с государственным празднованием «тысячелетия Крещения Руси», а Католическая Церковь отмечает десятилетие понтификата Папы Иоанна Павла II, Джуссани выбирает в качестве текста Пасхального плаката слова Владимира Соловьева из «Краткой повести об Антихристе»: «... обратился к ним император: «Что еще могу я сделать для вас? Странные люди! Чего вы от меня хотите? Я не знаю. Скажите же мне сами, вы, христиане, покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством: что всего дороже для вас в христианстве? Тут, как белая свеча, поднялся старец Иоанн и кротко отвечал: «Великий государь! Всего дороже для нас в христианстве сам Христос – Он Сам, а от него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно» [10, с. 754]. Тогда же, в лекции Начала года, Джуссани, комментируя эти слова, скажет: «Я прочел эти слова, которые теперь станут перманентным манифестом нашего Движения: не существует другого литературного высказывания, которое могло бы лучше выразить то, что вдохновляет нас» [3, р. 27]. В самом конце жизни он пишет Интенцию к Святой Мессе 11 февраля 2004 года, в которой предлагает молиться: «за то, чтобы, по заступничеству Богородицы, все члены Братства «Общение и освобождение» решительно продолжили свой путь к святости, тем самым участвуя в осуществлении самой дорогой «мечты» человека Иисуса из Назарета: чтобы Его Тело продолжало присутствовать в истории в единстве между Россией и Римом».

Задачи исследования. В своей статье я постараюсь 1) выделить и описать эту неприметную, но красную нить отношений с Православием в служении и мысли Джуссани, 2) показать соответствие интуиции Джуссани реальному опыту и пути Православия в XX веке.

В интервью 1979 года для *Il Sabato*, которое провел Джорджио Сарко, Джуссани выделяет три интеллектуальные встречи, определившие его изучение теологии в Венегоно: Ньюман и англосаксонская культура, Мелер и немецкая католическая теология, философы и богословы русского Православия, особенно «славянофиль» [1, р. 12]. Среди важнейших авторов он выделяет вначале Достоевского, позже Хомякова, а тематически православная мысль проникает в него через экклесиологию, представленную в многочисленных публикациях Руссикума. Интерес к православной экклесиологии развивается в нем одновременно с занятиями современной протестантской теологией, и эти две интеллектуальные традиции представляются ему дополнительными друг к другу: «Собственно встреча, полная уважения и восхищения протестантским духом и православным гением, позволила мне лучше понять как именно католическая Церковь является уникальным местом где православное чувство общины и протестантский вкус к конкретности и индивидуальности могут быть гармонично примиренными в едином синтезе» [1, р. 15].

В те же годы он открывает глубину интуиций Соловьева, первое знакомство с которым происходит через пророческий экклесиологический шедевр «Россия и Вселенская церковь», а позже он открывает актуальность соловьевской антропологии, в которой, по свидетельству отца Романо Скальфи, «интегральное

знание состоит в понимании человека не только исходя из разума, но и более полно, через охват аффективности (*l'affettività*), опыта (*l'esperienza*), причастности (*la comunione*) [4, р. 372]. Позже, уже в лицее Берше, Соловьев входит в круг необходимого чтения, предлагаемый Джуссани ученикам, наряду с Данте, Клоделем, Пасколи, Кьеркегором, Манзони, Леопарди, Ньюманом, Пеги [4, р. 173].

В 1979 году Джуссани выделяет два элемента, глубоко воспринятые им во встрече с православной традицией:

1. **Преображение:** «Этот элемент на Западе сводили к «устойчивому выражению» мистического богословия, на которое можно было не обращать особого внимания... но в его свете, используя «преображение», мы видим реальный рассвет опыта новой человечности и нового мира («небеса и земля новые»); это изначальная манифестация полноты правды и красоты, на которые знак указывает. Новый мир, в самом деле, уже начался с воскресением Христа и нам дано это видеть в опыте».

2. **Соборность:** «есть результат развития такой стороны «причастности (*comunione*)», которую мало подчеркивают. А именно, Приобщение есть необходимый элемент познания, это тот элемент, который делает познание возможным. Жизнь в общении и новое познание (новое т.е. подлинное, настоящее) реальности – они между собой связаны» [1, р. 13].

Любопытно, что эти элементы выделяются Джуссани как важнейшие на протяжении всей его жизни. О первых открытиях в православном богословии он скажет: «Наиболее глубокой для меня является идея «общения», появившаяся как модификация идеи причастности русскими писателями» [4, р. 77]. А уже в 1993 году Джуссани встречает отца Паоло Пецци, отправляющегося в Россию, в Новосибирск, и просит его проверить две интуиции, связанные с православной традицией и повлиявшие на его собственное богословие. По свидетельству монсиньора Пецци, он сформулировал их следующим образом: «Первая – это страстная любовь к красоте. В восточной традиции, – и в этом православие для нас великий учитель, – развит вкус по отношению к тому факту, что событие Христа преобразует реальность. Это хорошо выражено в понятии «преображения»: реальность призвана быть преображенной во Христе... Вторая – это горячий идеал «причастности»: познание реальности, и тем самым углубление тайны Бога, не осуществляются благодаря гениальности индивидуума, а они всегда являются плодами приобщения, плодами личности, которая не воспринимает себя в отдельности, а в отношении» [4, р. 692–693].

Начавшаяся в конце пятидесятых годов дружба Джуссани с отцом Романо Скальфи расцветает с 1965 года, когда они поселяются вместе в Милане по адресу *via Martinengo, 16*. В те годы «русские чаепития» становятся ежедневными, живущий этажом выше отец Романо навсегда станет для Джуссани *superiore*, а встречи с Православием обретут лица. Для Джуссани – это время проверки интуиций, воспринятых им при изучении православного богословия второй половины девятнадцатого века, для Скальфи – время свидетельства о великой любви к гонимой православной Церкви, ее культуре и мысли, о верности ее новомученикам и исповедникам, воплощавшейся в работе тогда еще

миланского центра «Христианская Россия». Для них обоим присутствие «Христианской России» и Движения в России в девяностые годы, по словам Джованни Парравичини, «нельзя было воспринимать как миссию, как план действия, направленный на другого, а как мост для обмена между живыми общинами, между разными опытами, устремляющимися к одной и той же красоте» [4, р. 372]. Когда в 2004 году в Москве открывается культурный центр «Духовная библиотека», его сотрудники принимают от Джуссани и Скальфи такое предложение для своей работы: «Уважать тех, кого мы встречаем, уважать жизнь Церкви перед нами, потому что это лик Иного, Тайны. Именно так изначально родился экуменизм, не из богословия; так и Духовная библиотека была основана в Москве в 1993 с этой характеристикой, как совместное действие людей, которые хотят друг другу помочь свидетельствовать о том, что «Христос есть все во всех», и потому признают, что они вместе, православные и католики внутри большего единства» [4, р. 1164].

Благодаря отцу Романо происходят живые встречи Джуссани с людьми из Советского Союза, несущими драматический опыт свидетельства о Христе в годы гонений. Одной из самых значительных становится встреча с отцом Александром Менем, убитым 9 сентября 1990 года сразу после возвращения из Италии, где его принимала «Христианская Россия». В его лице Джуссани открывает опыт, соответствующий его собственной интуиции Движения, и цитирует и комментирует слова Мень: «Точка силы христианства – не в отрицании, а в утверждении, в широте и полноте горизонта», или: «Христианство не есть новая этика, но новая жизнь» [4, р. 830]. Вдохновение встречи – узнавания взаимно: Мень, встретив Движение в Москве, пишет послесловие к русскому изданию «Религиозного чувства», вышедшему в 1989 году. Представляя дело Джуссани православным читателям в кратчайшем тексте, он находит такие слова: «Медленно и бережно ведет он нас по ступеням к преддверию Храма и лишь в конце переступает его порог. Ведет, вооружившись рациональным методом. Призывает не отречься от разума – великого дара Божья, – а употребить все его силы для приближения к последней Реальности. /.../ Автор показывает, что религиозная жизнь выходит за пределы индивидуального опыта и требует Общины, в недрах которой совершается встреча с Богом, встреча со Христом» [9, с. 170].

Важнейшей встречей с православной традицией становится встреча с крупнейшим французским богословом Оливье Клеманом (1921–2009), учеником Владимира Лосского, инициировавшего «поворот к Отцам», или неопатристический синтез в послевоенном православном богословии. Сам Клеман происходил из атеистической семьи и после духовных поисков, участия во французском Сопротивлении и кризиса безверия, встретил через Лосского православную традицию и в тридцать лет был крещен в Православной Церкви. Он привнес в православное богословие опыт и вопрошание человека «после Хиросимы», а в самом Православии встретил поколение людей, опыт которых выражался в определении отца Сергия Булгакова: «Православие есть Церковь Христова на земле. Церковь Христова есть не учреждение, но *новая жизнь со Христом*

и во Христе, движимая Духом Святым» [7, с. 27]. Открывая и описывая эту новую жизнь с невероятной экуменической широтой и широко свидетельствуя о ней в своих книгах и лекциях, Клеман узнал в опыте «Общения и освобождения» эту «революцию Духа» и дал первую православную оценку значения Движения: «Трагедия европейской истории заключается в том, что социализм в лучшей своей части никогда действительно не встречал лучшую часть христианства. Социализм, этот род внешнего христианства, как говорит Пеги, всегда и исключительно находил перед собой пиетизм, испуганный жизнью, пиетизм, лишенный любой динамики преображения. Конечно, был Пеги, потом Бердяев и их конвергенция с французским персонализмом, поскольку Мунье в начале тридцатых годов основал движение *Esprit*, вдохновляясь Пеги и в сотрудничестве с Бердяевым. Но эти люди, эти группы были слишком изолированными, тоталитарные течения были слишком сильными, исторические конвульсии – слишком обширными, и поэтому у персонализма не получалось принести непосредственные плоды (только сегодня что-то начинает приобретать форму в этом смысле с «Общением и освобождением» в Италии и с развитием персоналистических тенденций среди христианской интеллигенции на востоке)» [4, р. 600].

В 1981 году Джуссани цитирует это описание на встрече священников и говорит, что Движение действительно родилось из стремления к личному преодолению того, что Клеман так точно определяет как «пиетизм, испуганный жизнью» [4, р. 600–601]. Их книжная встреча перерастает в настоящую дружбу после совместного выступления на Митинге в Римини в 1983 году, когда на встрече, посвященной «Свобода Бога» они вместе обсуждали современный кризис человечности и его преодоление лишь через встречу со Христом. Через много лет, в 2005 году, Клеман так вспоминал опыт дружеского соответствия, родившийся на той встрече: «Мы постепенно стали друзьями. Я был много раз у него в гостях. Он рассказывал мне о своем приключении.... Не через страх, а через огонь, говорил всегда отец Джуссани. Он как будто предчувствовал и подготавливал провиденциальный приход Иоанна Павла II» [4, р. 650]. Так через подобные встречи Джуссани убеждается в том, что усвоенные им в семинарские годы интуиции православного богословия живы и плодотворны в самой Православной Церкви, проходящей мученический путь.

Богословским выражением интуиций, воспринятых Джуссани в православной традиции, становится третий том его *opus magnum* «Путь». Его важнейшей методологической предпосылкой становится так называемый «православно-католический взгляд», или одна из трех «культурных позиций» для рассмотрения решающего вопроса: «Каким *методом* я могу быть разумным в принятии христианского предложения?», или «Как сегодня достигнуть уверенности в факте Христа?» [8, с. 15]. Демонстрируя ограниченность «рационалистической» и «протестантской» позиций, делающих Христа или событием прошлого, или содержанием лишь внутреннего, субъективного опыта, он, полагаясь на разум, предлагает взгляд, который «находит выражение в христианской традиции как таковой». Этот «православно-католический взгляд» характеризуется тем, что он ориентирован на саму

структуру *християнського події*. Для Джуссани Присутствие первичнее порожденных им значений, поскольку само Событие вошло в историю «как новизна, Божья весть, весть Тайны, ставшей «плотью», ставшей целостным человеческим существом [...] Поэтому целостное человеческое присутствие подразумевает метод *встречи*, столкновения с отличной от себя реальностью. Это объективное присутствие делает встречу в высшей степени возможной, потрясает сердце, но приходит извне. Понятие «встреча» включает в себя как существенные части и внешний, и внутренний аспект» [8, с. 26]. Внутри христианского события Джуссани усматривает дополнительную тему *преображения* и *общины*, и если преобразование характеризуется потрясенным красотой сердцем, то потрясающая реальность с исторической точки зрения «называется «Церковью», с социологической – «народом Божиим», с онтологической, т.е. в глубинном смысле слова, – «мистическим Телом Христовым»» [8, с. 26–27].

Православная традиция встроена у Джуссани в экклезиологической перспективе, из которого рождается все его предложение, вплоть до воспитательного метода. Эту ключевую формулу он выражает, например, таким образом: «Личность Христа становится присутствием, жизненно важной встречей во все времена благодаря человеческому роду, который Он избирает и который из Него постоянно изливается в историю как осязаемый опыт Его божественной реальности» [8, с. 29]. Из воспитания такого «православно-католического взгляда» рождается Движение, но важно увидеть, что и в самой православной традиции именно этот взгляд также породил Движение в Церкви в XX веке. Тот «православно-католический взгляд» на Присутствие Христа в настоящем, из воспитания которого рождается движение «Общение и освобождение» в Италии, РСХД в русской эмиграции и православная епархия в Великобритании, собирается у митрополита Антония Сурожского из тех же двух ключевых интуиций, которые Джуссани находит во встрече с православной традицией. В 1967 году в проповеди «Об истинном достоинстве человека», произнесенной в оксфордской университетской церкви Пресвятой Девы Марии, интуиции о преобразении человека и о соборности были сформулированы им следующим образом: «Два представления вышли на первый план, быть может, с большей ясностью после войны, чем до нее: представление *о величии человека*, о его значимости как для других людей, так и для Бога, и представление *о человеческой солидарности*» [6, с. 271]. При этом величие человека заключается в том, что «он может быть недостойным сыном, он может быть кающимся сыном, он может вернуться в отчий дом, но только как сын. Каким бы недостойным сыном он ни был, он никогда не сможет стать достойным наемником. Вот так Бог смотрит на человека – в перспективе его сыновства, которое даровано нам в воплощении Господа Иисуса Христа, которое заложено в акте творения и соответствует нашему призванию стать причастниками Божественной природы (2 Пет 1:4) ... Это наше призвание. Это то, чем мы должны быть. На меньшее Господь не согласен» [6, с. 272]. Радикальные этические выводы из понимания высочайшего достоинства личности приводят к требованию универсальной солидарности: «Мы должны быть

солидарны прежде всего со Христом, а в Нем – со всеми людьми до последней черты, до полной меры жизни и смерти. И только тогда, если мы это принимаем, мы все – каждый из нас и сообщество всех верных, народ Божий – можем вырастать в то, что было во Христе и что было в апостолах, то есть в группу людей, которые обладают более величественным видением, чем мир, большим масштабом, чем мир, так чтобы Церковь от начала могла содержать в себе все это: могла быть причастной ко всем условиям существования человека и поэтому могла вести человечество к спасению» [6, с. 276].

Эти две предпосылки определяют ту «новую жизнь», которая проявляется в опыте встречи с современным Христом. Важнейшим евангельским образом этой реальности «народа Божьего» и для Джуссани [8, с. 27], и для митрополита Антония становится образ виноградной лозы: «...если ветвь пребудет на лозе, она начинает развиваться, достигает полноты, становится самой собой в таком смысле, какого мы не могли подозревать раньше. Да, эта полная, огромная жизнь, жизнь без предела, жизнь этого животворного древа трепещет и наполняет черенок. Но черенок стал самим собой только потому, что он оживотворен этой полнотой жизни» [5, с. 251]. Воспитательное предложение и Джуссани, и митрополита Антония основано на культивировании опыта встречи со Христом, который порождает новый взгляд на всякую встречу и общение людей друг с другом, а также на жизнь во всяких реальных обстоятельствах.

Выводы. Возврат Л. Джуссани к первоначальному христианству закономерно привел к нахождению общности католической традиции с православием. При этом центром христианства провозглашался опыт. Абсолютизация значения индивидуального и коллективного опыта, характерная для христианства эпохи модерна, позволила наново открыть потенциал христианства, очищенного от схоластического формализма и этической казуистики. Аналогичные процессы характерны и для православия, обновление которого связано с богословием Антония Сурожского, также настаивавшего на абсолютном значении опыта.

Список использованных источников

1. Giussani L. Da quale vita nasce Comunione e Liberazione / L. Giussani // Milano: Supplemento a «CL – Litterae communionis», 1979. – n.7–8 (1979). – P.1–21.
2. Giussani L. Atteggiamenti protestanti e ortodossi davanti al dogma dell'Assunta / L. Giussani // Giussani L. Porta la Speranza. Primi scritti. – Genova: MARIETTI 1820, 1997. – P. 81–90.
3. Giussani L. Il miracolo dell'ospitalita / L. Giussani. – Milano: PIEMME, 2012. – 163 p.
4. Savorana A. Vita di don Giussani / A. Savorana. – Milano: Rizzoli, 2013. – 1351 p.
5. Антоний, митрополит Сурожский. О Церкви (катехизическая беседа) // Антоний, митрополит Сурожский. Беседы о вере и Церкви. – М.: СП Интербук, 1991. – С.243–258.
6. Антоний, митрополит Сурожский. Об истинном достоинстве человека // Антоний, митрополит Сурожский. Труды. – М.: «Практика», 2002. – С.271–276.
7. Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – М.: Терра, 1991. – 416 с.
8. Джуссани Л. Зачем Церковь. – М.: «Христианская Россия», 2004. – 279 с.
9. Мень А. У порога храма // Джуссани Л. Религиозное чувство. – М.: «Христианская Россия», 2004. – С.169–170.

10. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1990. – С.635–762.

References

1. Giussani L. Da quale vita nasce Comunione e Liberazione / L. Giussani // Milano: Supplemento a «CL – Litterae communionis», 1979. – n.7–8 (1979). – P.1–21.
2. Giussani L. Atteggiamenti protestanti e ortodossi davanti al dogma dell'Assunta / L. Giussani // Giussani L. Porta la Speranza. Primi scritti. – Genova: MARIETTI 1820, 1997. – P.81–90.
3. Giussani L. Il miracolo dell'ospitalita / L. Giussani. – Milano: PIEMME, 2012. – 163 p.
4. Savorana A. Vita di don Giussani / A. Savorana. – Milano: Rizzoli, 2013. – 1351 p.
5. Antonyi, mitropolit Surozhskiy. O Tserkvi (katekhizicheskaya beseda) // Antonyi, mitropolit Surozhskiy. Besedy o vere i Tserkvi. – М.: SP Interbuk, 1991. – S.243–258.
6. Antonyi, mitropolit Surozhskiy. Ob istinnom dostoinstve cheloveka // Antonyi, mitropolit Surozhskiy. Trudy. – М.: «Praktika», 2002. – S.271–276.
7. Bulgakov S. N. Pravoslaviye: Ocherki ucheniya pravoslavnoy tserkvi. – М.: Terra, 1991. – 416 s.
8. Dzhusani L. Zachem Tserkov'. – М.: «Khristianskaya Rossiya», 2004. – 279 s.
9. Men' A. U poroga khrama // Dzhusani L. Religioznoye chuvstvo. – М.: «Khristianskaya Rossiya», 2004. – S.169–170.
10. Solov'yev V. S. Tri razgovora o voyne, prograsse i kontse vsemirnoy istorii // Solov'yev V. S. Sochineniya v 2 t. Т.2. – М.: Mysl', 1990. – С.635–762.

Filonenko A. S., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Theory of Culture and Philosophy of Science Faculty of Philosophy of Kharkiv National University named V. N. Karazin (Ukraine, Kharkiv), afilonenko1968@gmail.com

Theology of Luigi Giussani and the Orthodox tradition

The article proves that all the central themes of Giussani's theology are close both to the Orthodox tradition of the ancient undivided church and to modern Orthodox theology. His most important methodological prerequisite was the so-called «Orthodox-Catholic view», or one of the three «cultural positions» for examining the crucial question of the method of Christian preaching. Demonstrating the limitations of the other two cultural positions, «rationalistic» and «Protestant», making Christ or an event of the past, or the content of only internal, subjective experience, Giussani relying on reason, proposes a view that finds expression in the Christian tradition as such. Meeting as a form of the presence of the Other represents both the central principle of Giussani's theology, and the «Orthodox Catholic view» that he singles, which permeates all Christian thought and is the prerequisite of theology of communication.

Keywords: Catholicism, Orthodoxy, modern theology, anthropology, ecumenism.

Філоненко О. С., кандидат філософських наук, доцент кафедри теорії культури і філософії науки філософського факультету, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (Україна, Харків), afilonenko1968@gmail.com

Теологія Луджі Джуссани і православна традиція

Доводиться, що всі центральні теми богослов'я Джуссани близькі як до православної традиції стародавньої неподіленої церкви, так і до сучасного православно-католицького богослов'я. Його найважливішою методологічною передумовою був так званий «православно-католицький погляд», або одна з трьох «культурних позицій» для розгляду вирішального питання про метод християнської проповіді. Демонструючи обмеженість двох інших культурних позицій, «раціоналістичної» і «протестантської», що роблять Христа або подією минулого, або вмістом лише внутрішнього, суб'єктивного досвіду, Джуссани, покладаючись на розум, пропонує погляд, який знаходить вираз у християнській традиції як такої. Зустріч як форма присутності Іншого являє собою і центральний принцип богослов'я Джуссани, і виділяється їм «православно-католицького погляду», що пронизує все християнське мислення і є передумовою богослов'я спілкування.

Ключові слова: католицизм, православ'я, сучасне богослов'я, антропологія, екуменізм.

***

УДК 28–7(477)

Брильов Д. В.,

кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри культурології, Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), dbrilyov@gmail.com

ТЕОЛОГІЧНИЙ ДИСКУРС ДУХОВНОГО УПРАВЛІННЯ МУСУЛЬМАН УКРАЇНИ

Досліджується теологічний дискурс, що утворюється Духовним управлінням мусульман України. На основі аналізу друкованого органу ДУМУ газети «Мінарет», інтерв'ю з головою ДУМУ шейхом Ахмедом Тамімом і релігійної літератури, що випускається ДУМУ виокремлюються особливості його виникнення та формування, а також основні характеристики. Показана роль у формуванні теологічного дискурсу ДУМУ транснаціонального суфійського руху аль-Ахбаш, який представляє собою специфічну відповідь суфійської спільноти на агресивну експансію ісламістських організацій. З'ясовано, що ДУМУ вводить в свій теологічний дискурс праці вчених, що мають особливе значення для мусульманських діаспор України. Виокремлені ключові характеристики теологічного дискурсу ДУМУ: традиціоналізм, апологічність, легітимізація суфізму та суфійських практик.

Ключові слова: Духовне управління мусульман України, аль-Ахбаш, іслам в Україні.

У цій статті мова піде про теологічний дискурс, який формується Духовним управлінням мусульман України (ДУМУ) на чолі з шейхом Ахмедом Тамімом. У своєму дослідженні я розглядаю особливості його виникнення, формування та основні характеристики. Об'єктом дослідження виступає Духовне управління мусульман України (ДУМУ), яке представляє собою одного з ключових мусульманських акторів, що діють в релігійному полі України.

У своїй роботі я аналізую публікації друкованого органу ДУМУ – газети «Мінарет», опубліковані інтерв'ю голови ДУМУ Ахмеда Таміма і релігійну літературу, що випускається ДУМУ. Також я вводжу в науковий обіг матеріали особистого архіву, який містить внутрішні документи мусульманських громад України, що дозволяють висвітлити неофіційну історію ісламу в Україні. Крім цього були використані результати досліджень вітчизняних і зарубіжних ісламознавців, антропологів і соціологів.

Духовне управління мусульман України (ДУМУ) виникло напочатку існування незалежної української держави, та являло собою легітимізацію незареєстрованих підпільних громад мусульман, що існували в Україні в радянський період, переважно волзьких татар. З 1992 р. ДУМУ було зареєстровано в якості Головного мухтасібатського управління мусульман України¹ в складі Духовного управління мусульман Європейської Росії і Сибіру (ДУМЕС)² на чолі з муфтієм Талгатом Таджуддіном. 27 лютого 1993 р. на конференції представників мусульман України було прийнято рішення змінити назву управління з «Головного мухтасібатського управління мусульман України» на

¹ Довідка ДУМЕС №411 від 14.08.1992 р. (з особистого архіву автора).

² Духовне управління мусульман Європейської Росії і Сибіру, одне з чотирьох духовних управлінь мусульман, що діяли в радянський період, знаходилося в м. Уфа. У 1992 р. на VI Надзвичайному з'їзді мусульман Росії було ухвалено рішення про перетворення структури ДУМЕС в Центральне Духовне Управління мусульман Росії і європейських країн СНД (ЦДУМ).